

ВЕЛИКИЙ ПОЭТ-ГУМАНИСТ

Глашатай правды

ТРУДНО найти в грузинской литературе XVIII века человека с более трагической судьбой, чем Давид Гурамишвили. Его личная трагедия была вызвана тяжелой политической обстановкой, сложившейся в Грузии того времени. Эти два момента — личное и общественное — тесно переплелись между собой и нашли четкое и яркое отображение в творческом наследии Давида Гурамишвили, которое носит название «Давитиани».

Поэзия Давида Гурамишвили, исключительно человеческая, ясная и простая, является выразительнейшей глубочайших чувств и мыслей. Пожалуй, ни одному грузинскому поэту не удалось создать более правдивого автопортрета.

Все творческое наследие Давида Гурамишвили является поэтическим апофеозом двух противоположных начал — любви к жизни и неприязни ее жестокости. В «Давитиани» слово неистовствует разбушевавшая стихия, бурные волны жизни бьются о берег и обнажают расщелины зияющей пропасти. Воля с силами внешнего мира, поэт втягивается в водоворот исключительных испытаний, обрушившихся на него ценою огромных страданий.

Раздумывающий над сложными вопросами сущности и смысла жизни, Давид Гурамишвили испытывает огромное внутреннее волнение. Его колебание между «мирским цветником» и «божьими садами» все же заканчивается избранием первого, так как он постиг руставеловскую философию. Выбор «мирского цветника» связан с осознанием собственного призвания поэта.

Расставание с «божественным садом» восточной поэзии, полным роз и соловьиного пения, и переходом к «мирскому цветнику» как к непосредственному предмету поэзии в истории грузинской литературы знаменовало рождение нового слова, и его вечноновым отцом предстает автор «Давитиани».

В грузинской поэзии XVIII века Давид Гурамишвили сказал новое слово как в отношении поэтической лексики, так и тематики. Из лесов «Давитиани» явствует, что Гурамишвили был хорошо известен сборник Мамуки Бараташвили «Чешинки» («Проба»). Имеется ряд оснований для подтверждения этого «соображения». Мы имеем в виду первую книгу «Давитиани», в частности «О роде и племени грузинских царей». Там рядом с Руставели и Теймуразом I, рядом с другими писателями, упоминается и Мамука Бараташвили.

Упоминание Мамуки Бараташвили, в таком «ранге, а затем фраза Гурамишвили — «поэт, и я им подпеваю» — со всей очевидностью говорят о глубоком уважении поэта к автору «Чешинки».

Но Давид Гурамишвили имеет свой стиль, совершенно особый поэтический голос, присущий лишь ему одному художественным орнаментам. Его вдохновение лишено мотивов восточной поэзии, и его палитра никогда не имела иранскую окраску.

Ни переживаниями, ни идеями, ни художественными формами Гурамишвили не обязан иностранным литературным реминисценциям. Единственное, что заметно ощущается в его поэзии — это влияние все тех же грузинских поэтов — от гениального Руставели (Гурамишвили используют целый ряд заимствований Руставели; иногда без каких-либо изменений, а иногда — видоизменяя их и приспособивая к тексту своего стиха), до Вахтанга VI, а также богатого грузинского фольклора.

Поэтика Давида Гурамишвили, возникшая на основе поэзии Руставели и грузинского фольклора, и тем не менее совершенно оригинальная, представляет собой новый мир, в который органично влились русские, украинские и польские песенные мотивы. Его «Вторая хвала Давида» написана размером русской песни «Не дал покою, пойдю с тобою», «Третья хвала Давида» — на мотив польской песни «Ария» соответствует русской песне «Ах, как скушно», «Песня» — украинской песне «Улетела зозуленька». Поэт настолько расширил творческие возможности грузинского стиха, что перед нами открылись совершенно новые горизонты.

Но в поэтических строках «Давитиани» слышатся не только звуки лирических песен, не только философские рассуждения. Поэзия эта насыщена волнующими патристическими мотивами, а в тумане безднежности часто сверкает молния знаменитых дидактических постулатов Гурамишвили.

В «Давитиани» Гурамишвили нарисовал просторную панораму политических катаклизмов Грузии того периода. Поэт изобразил создавшуюся ситуацию в исключительно правдивых картинах. Нельзя без волнения читать главы поэты в связи с бедствиями, обрушившимися на родную страну.

Совершенно очевидно, что Давид Гурамишвили является предтечей грузинского романтизма. Его радужные надежды и мечты были разбиты так же, как и у грузинских поэтов-романтиков. Потеря родины, неуосуществленные мечты, прелестности жизни, чувство одиночества, проповедование гуманизма — все это поразительно сближает грузинских романтиков и Давида Гурамишвили. Гурамишвили и грузинские романтики — это целая тема, которая может вызвать ряд интересных вопросов.

Беспощадной борьбой против пороков того времени Давид Гурамишвили предстает перед нами великим критиком-обличителем, прогрессивным политическим мыслителем и общественным деятелем своей эпохи. С другой стороны, поэт обнаруживает необычайные способности в отображении бытовых картин. Он остро подметил черты жизни простонародья, его душевную чистоту и в буколической поэме «Пастух Кацвля» с любовью воплотил чувства и переживания вольных детей природы.

Обновлению, расцвету и радости сил природы посвящена эта поэма, рассказывающая о любви Кацвля и деревенской девушки. Нравные переживания, осязаемой бытовыми подробностями поэмы, тем не менее не лишают ее высокой поэтической ценности, которая вообще присуща гурамишвилевскому стилю. Показывая умозрительного народа, поэт видит в нем носителя здорового духа, хранителя той нравственности, которая противопоставлена общественному злу, столь остро осознаваемому поэтом.

Почти везде, во всех своих стихотворениях и поэмах Давид Гурамишвили выступает учителем, наставником, дидактиком. Но его дидактика не опирается на сухие теоретические положения, не исходит из кабинетных доктрин, за исходную точку берет жизнь, большой жизненный опыт, и все выводы делаются именно на их основе. Ни один совет, ни одна сентенция, ни одна истина в «Давитиани» не являются результатом отвлеченного философского суждения, они являются плодами жизни, жизненной мудрости.

Автор «Давитиани», вся жизнь которого была горестна, вероятно, не мог предположить, что имя его будет записано среди лучших сынов грузинского народа. «Меня живого никто не помнит, а кто вспомнит о мертвом». Но эти его горькие слова не оправданы. Беспощадная к нему история словно изменила себе, чтобы доказать совсем противоположное!

Георгий ДЖИБЛАДЗЕ,
академик Академии наук Грузинской ССР.

Единство

«ДАВИТИАНИ» является сборником произведений самых различных жанров, однако они имеют общую основу для внутреннего единства.

Расположение произведений в сборнике не носит случайный характер, и среди них почти нет такого, в котором не встречался бы сам Давид Гурамишвили — то как персонаж, то как лирический герой. Порой лирический субъект заменяет библейским Давидом-псалмопевцем, но он по существу является вторым поэтическим «я» самого Д. Гурамишвили. Таким образом, структурное единство «Давитиани» создается на основе поэтического самосознания; этим пронизан весь сборник.

Самосознание как основа единства «Давитиани» во многих отношениях оказывает влияние на его структуру. Привлекает внимание многоплановость начала сборника и его окончания. Можно сказать, имеется несколько окончаний, и это потому, что в «Давитиани» различные мотивы кончаются по-разному и в разное время.

Мотив самосознания выражается не только в лирических произведениях «Давитиани», но и в его исторической части. Почти каждому его произведению присуща дуальность. Их первый план, обычно, конкретный, жизненно-биографический, а второй — духовный. Описанные поэтом различные переживания, путешествия и бедствия понимаются и в прямом, биографическом смысле, и в переносном — духовном.

Поэтом становится более понятным тот факт, что почти в каждом лирическом субъекте любого произведения «в другом плане» подразумевалась сам Д. Гурамишвили.

В «Давитиани» предельно расширен тот временно-непосредственный фон, на котором изображается человек. Человек представлен между небом и землей. Его место действия — это весь небесный мир, а время действия — начиная от сотворения мира до второго пришествия. На основе подобно абстрактного «о и ментализма» жизни Д. Гурамишвили, «каждому персонажу» «Давитиани», представляется частицей вечности.

Весь ход событий и все времяисчисление оцениваются с национальной точки зрения. Под конец в «Давитиани» время и пространство сужаются в личностном измерении. В этом своеобразно олицетворяются «нисходящие» ступени самосознания: Вселенная — Отечество — Лицность. И это особенно примечательно, начало «Давитиани» совершенно соответствует этим ступеням, только в обратном порядке: Я — Отечество — Мир. Получается симметрия восходящих и нисходящих ступеней самосознания. В такой форме ведется осознание известной проблемы — кто мы, откуда пришли и куда направляемся?

Таким образом, вся структура «Давитиани» показывает, что высшая цель жизни — самосознание.

«Давитиани» является книгой самоутверждения. Это становится более наглядным, когда сравниваем ее с «Покаяниями» Давида Строителя. В «Песнопениях» Давида Строителя автор предстает не в форме личностно-индивидуального самовыражения, а в традиционноконвенционных формах гимнографии.

«Давитиани» начинается и кончается самим Давидом Гурамишвили. Вся художественная действительность «Давитиани» является формой самовыражения автора — и в этом заключается единство книги.

Р. СМРАДЗЕ,
профессор.

Эта прекрасная традиция — помнить своих великих предков, чтить их память. В эти дни наша республика, вся наша страна отмечают юбилей великого грузинского поэта Давида Гурамишвили. Человека, кто весь жар своей души, всю мощь своего таланта отдал родной стране, воспел дружбу между народами.

На снимках: памятник поэту в Тбилиси работы скульптора М. Бердзенишвили; книги Давида Гурамишвили и книги о нем, вышедшие в свет в разные годы.

Звено кровного братства

Я НЕМАЛО думал и писал о Давиде Гурамишвили, недавно начатая о нем новая статья. Но жизнь этого человека бесконечно глубока, как и его поэзия. Жизнь Давида Гурамишвили нельзя, как подвиг, и в то же время, при всей своей неразрывности, она удивительно точно вписывается в океаны жизни народов Грузии, Украины, России, соединяя их еще одним из нерасторжимых звеньев кровного братства.

Не было, не могло быть поэта, больше любившего свою родину и свой народ, каждым днем и каждым словом противостоящего угнетателям Грузии: ведь талант свой Гурамишвили посвятил спасению родины от одиночества, поиску верных ее друзей, борьбе за преодоление народных несчастий и унижений. Он не ставил в центре повествования личную беду — поэтическая летопись Давида Гурамишвили зовется бедствиями Грузии — счастье и несчастье поэта были каплей в разнице неслыханной тоски. Его собственная жизнь была переполнена несчастиями и неудачами, судьба, он попадал в плен, был ранен, болел, был унижен. И, тем не менее, он выдержал удары судьбы — вплоть до самого страшного, до утраты родины. Если позволено говорить о некоей озабоченности того, что зовется взглядным характером, то Гурамишвили и в этом — грузин до мозга костей; он оставляет собственную беду в своей душе, но душу своего народа одаряет светом надежды, силы и цели. Он — истинный потомок и брат тех, кто твердо противостоял монголам, персам и прочим захватчикам. Он — достойный преемник восточных славян Грузии. Мостом — от Руставели к Пшавела и отдельно Табидзе, Леониде Абашидзе, ученикам их — простиралось руки Давида Гурамишвили. Если В. Пшавела называл его предтечей и любимым делом, то уже пришло время духовных правнуков поэта, а уроки гурамишвилевского жизнелюбия, мужества, благородство отчетливо и надежно простерты сквозь настоящее — в будущее времена. А прошлое? Как бы там ни было, у Давида Гурамишвили перед душой и перед глазами был пример великого Руставели, гения, создавшего величайшие образы, неотделимые от отчизны и жившие во имя ее. Давид Гурамишвили никогда не покидал родину по доброй воле: он бывал пленен, страдал в лезгинском подземелье и Магдебургском замке. Он сражался против врагов России, оставался верным приверженцем его Москве; он искренне полюбил Украину — хоть и она не была избрана им для жизни и смерти по доброй воле.

Конечно же, тысячу раз ему снились родные Сагурамо, холмы Кахети, лесистый берег Араги. До чего же непохожи были край рождения Гурамишвили и край, где он умер! Он — один из миролюбивейших людей на белом свете, всю жизнь провел в военных походах. Родившись в княжеской семье, уже на тридцать седьмом году жизни обрелся вероломной царшей Елизаветой на безысходное поселение в оренбургских степях и с трудом сохранил за собой общинный властями земельный участок в Зубовке, на тихой украинской реке Хорол, и, перейдя за пятое десятилетие жизни, он окончательно там поселился, и великая «Книга Давида» — «Давитиани» была создана среди лесов и полей Полтавинщины на все времена.

Гурамишвили формировался, постоянно ощущая не только возможность, но и необходимость подтверждать свои убеждения действиями. Он твердо знал, что философия, не подтвержденная делом, становится мертвым состоянием человеческого духа, дымом затворенной, но бесплодной. Он тверд в своих убеждениях, он ищет собеседников, но в духе их найдешь, равных по разуму и проникновенности? Впрочем, вполне возможно, что Гурамишвили встречался с великим украинским философом Григорием Сковородой, странствующим в те времена по дорогам Полтавинщины. Им было о чем поговорить, но говорили ли — во всяком случае многим потом хотелось написать, иные и писали о такой встрече.

До чего же тонко говорит об этом, анализируя каждую гурамишвилевскую строку, каждый факт его биографии как бы, будто они были знакомы лично, Микола Вакаш, прекрасный поэт наш, проникновенностью влюбленного академика переведший «Давитиани» на украинский язык. Для Вакаша строфы «Давитиани» переводились в духовной и тематической связи с «Витязем в тигровой шкуре», и это естественно.

А сам грузинский поэт вспоминает о русских и украинских народных песнях и выводит их ритм в свой стих, приносит в «Давитиани» интонации славянской речи, столь необходимые иногда для грузинского слога. Гурамишвили реформировал родной стих, и преобразование эти также происходили на путях братства, когда не только судьба, но и песни соприкасались. Написав «Давитиани», он стал и величайшим творцом родной культуры, и убежденным пророком братства народов, он выстрадал собственное мировоззрение, оторванный от мира, лишенный контактов с великими современниками. А ведь к концу жизни Давида Гурамишвили в Европе уже звучала музыка Моцарта и Гайдна, рисовали Гёйе и Давид, писали Гете, Бернс, Шиллер, люди изобрели паровую машину. И тем величественнее подвиг Давида Гурамишвили, мыслившего на уровне высочайших вершин своего века и всех времен. Гениальный сын Грузии шкавал о несчастье униженных и разобщенных кровопролитными народами, верил в грядущее умир, справедливость и братство, мечтал о единении славян и грузин, проклинал вероломство. Он умер с мечтой о свободе и справедливости. Слова и поступки Гурамишвили пульсируют в наши дни. Слава ему!

Виталий КОРОТИЧ.

Праздник стиха

Алексей СУРКОВ,
Герой Социалистического Труда.

В МИРОВОЙ поэзии есть имена, которые мы всегда произносим с каким-то внутренним трепетом. Одно из них — Давид Гурамишвили, 275-летие со дня рождения которого отмечает вся страна.

Это был человек, горячо любивший свою землю — Грузию, человек, обретший родину в России и на Украине. Его тело было покрыто ранами, кровоточила добро и большое сердце по трагической и несчастливой судьбе Грузии, но дух его был силен и тверд, и в нем постоянно жила вера в лучшее светлое будущее. И как преданно и честно он любил и служил Грузии, так же преданно и честно любил он Россию и Украину, верно служил этой любви, не жалея даже самого дорогого для человека — своей жизни.

Сегодня, когда мы охватываем как бы единым взглядом весь жизненный путь Давида Гурамишвили, мы удивляемся — откуда могут быть у человека столько физических и духовных сил. Давид Гурамишвили был воином, но жила он поэзией, которой отдавал щедрость своей души. Писал о народе, для народа. О полной трагической судьбы Грузии, о своих несчастиях он повел как о неотделимых от несчастий своей страны. Об этом мы узнаем из гениальной поэмы «Бедствия Грузии». Глубоко по своему содержанию, полное патриотизма и гражданственности, это произведение не только рассказывало о несчастьях Грузии первой половины XVIII века, но и раскрывало причины ее безрадостной судьбы и указывало пути выхода из этого положения, которые поэт видел в тесном союзе с Россией.

Сборник произведений Давида Гурамишвили «Давитиани» — это поэтический рассказ о времени и о себе. Стихи читаются с интересом и в наше время, потому что написаны кровью сердца.

В дни юбилея они будут звучать в Грузии, России, на Украине, в других советских республиках. Их еще раз услышат сотни тысяч людей. Добавлю только, что Давид Гурамишвили был один из первых поэтов Грузии, обратившихся к русскому и украинскому фольклору, — этому живительному источнику для любого поэта. На этой основе родился целый ряд замечательных лирических стихотворений.

Мы сегодня отмечаем юбилей великого Давида Гурамишвили — певца братства и дружбы наших народов. Его поэзия прошла самую строгую проверку — проверку временем и осталась жить, ибо она бессмертна. И именно потому данный юбилей — праздник всего многонационального советского народа, праздник всей страны, праздник поэзии.

Возложение венков

275-летие со дня рождения Давида Гурамишвили широко отмечается по всей нашей стране. Любовь и уважение к великому сыну земли грузинской привели на его родину дорогами дружбы известных писателей и поэтов из Москвы, других городов, из братских республик.

В этот день первое слово участников юбилейных торжеств было обращено к Руставели — великому витезю поэзии, чья скульптурная фигура возвышается на площади, носящей его имя. К памятнику Руставели были возложены венки.

Затем участники юбилейных торжеств направились к скверу на проспекте Ильи Чавчавадзе, где в бронзе запечатлен образ Давида Гурамишвили известного скульптора Мераб Бердзенишвили.

К подножию памятника ложатся венки, среди которых и букеты черноплощевца Полтавы, земли, которая стала вечной обителью для поэта.

В церемонии возложения венков к памятникам Шота Руставели и Давида Гурамишвили принял участие заместитель Председателя Совета Министров Грузинской ССР О. Черкезия и заведующий отделом культуры ЦК КП Грузии А. Александров. (ГрузИнФОРМ).

Жизнь — подвиг

ВЕЛИКИЙ грузинский поэт Давид Гурамишвили на литературное поприще вступил в мрачную пору исторической жизни своей родины. Пережившей тяжелое монгольское иго и раздиравшей внутренними феодальными распрями Грузии нелегко было отстоять свое существование перед непрекращающимся напором агрессивных сил шахского Ирана и султанской Турции.

ни было вырваться из неволи, он бежал вторично. Босой, в лохмотьях, без куска хлеба, следуя трезвому внешне рассудка, пленник направился на Север. 12 суток блуждал он в незнакомых ему горах, укрываясь от непогоды в пещерах, питаясь только дикорастущими плодами. Наконец, Гурамишвили пробрался на Северный Кавказ. Здесь его приютил и проявил к нему подлинную отеческую заботу неизвестный нам по имени русский поселенец из вольных казаков.

Гурамишвили долго не задержался на Северном Кавказе, отсюда он поспешил в Москву, где тогда проживал эмигрировавший в Россию Вахтанг VI. В конце 1729 года поэт приезжает в Москву. Вахтанг его принял радушно, определил на почетную службу и допустил к себе в качестве придворного поэта. В Москве раскрыл Гурамишвили могучие поэтические крылья. Здесь, в Москве он писал: «В городе Москве мы ждали солнца».

Вахтанг VI умер в 1737 г. После смерти патрона Гурамишвили в числе верных сподвижников грузинского царя принял русское подданство, был зачислен бойцом грузинской гусарской роты (преобразованной потом в полк) и получил землю на жительство на Украине, в городе Миргороде и в с. Зубовке, на берегу речушки Хорол. Как воин русской армии Гурамишвили принимал активное участие во многих боевых действиях: в 1739 г. воевал против турок и отличился при взятии крепости Хотин, в 1742 г. сражался со шведами под Фридрихсгамом и Гельсингфорсом. В 1757 — 1763 годах в Семилетней войне грузинский полк действовал в Пруссии. В 1758 г. Гурамишвили попал в плен к немцам под Кюстрином и некоторое время томился в Магдебургской крепости. В конце 1759 г., освободившись из плена, измученный и физически надломленный, он поспешил к себе на Украину, принялся за восстановление разоруженного хозяйства, занимался общественными делами края. Наблюдательный поэт-хлебобор не мог не заметить, что богатая землями и водами Украина нередко испытывала недостаток в хлебе. «От засухи и от отсутствия полива в Малороссии часто пропадает урожай хлеба», — писал Гурамишвили, обдумывая

Александр БАРАМИДЗЕ,
академик Академии наук Грузинской ССР.